

№ 2336-53

XX $\frac{18}{2}$

НИЖЕГОРОДСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1-го СЕНТЯБРЯ.

№ 17-й.

1865 года.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

І.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали вѣдѣніе Правительствующаго Сената отъ 22 марта 1864 года за № 16927, о подтвержденіи присутственнымъ мѣстамъ и лицамъ, къ точному исполненію Высочайше утвержденнаго 27 іюля 1864 г. мѣнія Государственнаго Совѣта о порядкѣ представленія денегъ, слѣдующихъ за публикаціи объявленій въ Сенатскихъ изданіяхъ. Приказали: напечатать потребное число копій съ настоящаго вѣдѣнія Правительствующаго Сената, разослать оныя подлежащимъ мѣстамъ и лицамъ духовнаго вѣдомства, при печатныхъ же указахъ, для свѣдѣнія и надлежащаго въ потребныхъ случаяхъ руководства. Іюля 15-го дня 1865 года.

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА СВЯТѢЙШЕМУ ПРАВИТЕЛЬ-
СТВУЮЩЕМУ СУПОДУ

ВЪ ДѢНІЕ.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Правительствующій Сенатъ слушали — предложеніе г. Оберъ-Прокурора 1-го Департамента Сената, отъ 9-го февраля 1865 г. за № 542, слѣдующаго содержанія: Высочайше утвержденнымъ 21-го іюля 1864 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, распубликованнымъ указомъ Правительствующаго Сената, отъ 7-го августа 1864 года, между прочимъ, постановлены правила о порядкѣ представленія съ 1-го сентября 1864 г. денегъ, слѣдующихъ за публикаціи всѣхъ родовъ въ двухъ Сенатскихъ изданіяхъ, въ С.-Петербургскую Сенатскую типографію. Усматривая изъ донесенія Оберъ-Прокурора Общаго Собранія Московскихъ департаментовъ Правительствующаго Сената, что многія присутственныя мѣста, вопреки Высочайшему повелѣнію, продолжаютъ высылать въ Контору Московской Сенатской типографіи или въ Московское Сенатское Казначейство деньги на причетаніе и самыя объявленія и тѣмъ усложняютъ переписку по этимъ учрежденіямъ Сената, г. Министръ Юстиціи ордеромъ 1-го минувшаго февраля за № 1822 поручилъ ему, г-ну Оберъ-Прокурору, предложить Правительствующему Сенату, не угодно ли будетъ подтвердить присутственнымъ мѣстамъ о точномъ исполненіи ими означеннаго выше Высочайше утвержденного мнѣнія Государственнаго Совѣта, — и справку, по коей оказалось, что въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта относительно нѣкоторыхъ измѣненій по печатанію Сенатскихъ изданій, распубликованномъ указами Сената отъ 7-го августа 1864 г., между прочимъ, сказано: прекративъ печатаніе объявленій о совершенныхъ крѣпостныхъ актахъ, и о явкѣ сихъ актовъ, въ Московскихъ Сенатскихъ объявленіяхъ, дать знать присутственнымъ мѣстамъ, что со введеніемъ новаго порядка изданій Се-

натскихъ объявленій всё деньги, слѣдующія за припечатаніе публикацій всёхъ родовъ въ двухъ Сенатскихъ изданіяхъ (какъ Петербургскихъ, такъ и Московскихъ Сенатскихъ объявленіяхъ) съ 1-го сентября 1864 г. должны быть посылаемы ими въ полномъ, по законѣ, количествѣ въ С.-Петербургское Сенатское Казначейство при одномъ экземплярѣ публикаціи, подлежащей печатанію въ Сенатскихъ изданіяхъ. Согласно сему постановить: II п. 5. объявленія о совершенныхъ крѣпостныхъ актахъ, и о явкѣ сихъ актовъ, для ввода во владѣніе имѣніемъ помѣщаются только въ С.-Петербургскомъ изданіи Сенатскихъ объявленій. III. Въ замѣну ст. 437 Уст. о пошл. (т. V св. зак. изд. 1857 г.). По совершеніи акта на недвижимое имѣніе, присутственное мѣсто, обязанное, на основаніи законовъ о совершеніи крѣпостныхъ актовъ, публиковать о томъ въ Сенатскихъ объявленіяхъ, доставлять на сей конецъ въ С. Петербургскую типографію объявленіе съ приложеніемъ на напечатаніе трехъ руб. сер., которые должны быть взысканы съ лицъ участвующихъ въ актѣ. IV. Въ замѣну ст. 438 Уст. о пошл. (т. V св. зак. изд. 1857 г.): О данныхъ на имѣнія, купленные съ публичныхъ торговъ, объявленія должны быть также припечатаны въ Сенатскихъ объявленіяхъ. Slѣдующія при семь за гербовую бумагу, за припечатаніе и страховыя деньги взимаются при самой выдачѣ данной съ лицъ, купившихъ имѣнія. V. Въ замѣну ст. 751 п. 1 зак. гражд. (т. X ч. 1 св. зак. изд. 1857 г.): По совершеніи каждаго акта, коимъ производится переходъ отъ одного лица къ другому права собственности на недвижимое имущество, въ какой бы губерніи имущество сіе ни находилось, мѣсто, совершавшее оный, обязано въ то же время: 1) по приложенной при семь формѣ послать объявленіе о совершеніи акта въ С.-Петербургскую Правительствующаго Сената типографію, для припечатанія въ Сенатскихъ объявленіяхъ. Slѣдующія за гербовую бумагу, за припечатаніе и страховыя деньги взимаются надсмотрщикомъ при совершеніи акта. VI. Въ измѣненіе оглавленія приложенія къ ст. 761 п. 1 зак.

гражд. (т. X ч. 1 св. зак. изд. 1857 г.): Форма, по коей доставляются въ С.-Петербургскую Сенатскую типографію для напечатанія въ Сенатскихъ объявленіяхъ статьи о совершеніи актовъ на переходъ недвижимыхъ имуществъ отъ однихъ лицъ къ другимъ. VII. Въ замѣну ст. 1749 зак. гражд. судопроизв. (т. X ч. 2 св. зак. изд. 1857 г.): За печатаніе объявленій по тяжбымъ и исковымъ дѣламъ въ Сенатскихъ объявленіяхъ слѣдуетъ взискивать за каждую статью по три рубли сер., препроводя сіи деньги въ С.-Петербургскую Сенатскую типографію заблаговременно и непосредственно отъ тѣхъ мѣстъ судебныхъ или правительственныхъ, кои, по законамъ судопроизводства, обязаны дѣлать означенныя объявленія. По каждому особому дѣлу должна быть и особая статья или объявленіе для напечатанія и особое отношеніе, при коемъ она препровождается въ типографію. **П р и к а з а л и :** Подтвердить всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ и начальствующимъ лицамъ о точномъ исполненіи означеннаго выше Высочайше утвержденнаго мѣнія Государственнаго Совѣта, о чемъ послать указы Губернскимъ, Войсковымъ и Областнымъ Правленіямъ, прочимъ подвѣдомственнымъ Сенату присутственнымъ мѣстамъ, всѣмъ Генераль-Губернаторамъ, Военнымъ-Губернаторамъ и Губернаторамъ, о каковомъ распоряженіи Правительствующаго Сената увѣдомить Его Императорское Высочество Намѣстника Кавказскаго, Министровъ и Главноуправляющихъ отдѣльными частями, однихъ указами, другихъ чрезъ передачу къ Оберъ-Прокурорскимъ дѣламъ копій съ опредѣленія Сената; въ Святѣйшій же Правительствующій Синодъ, во всѣ Департаменты Правительствующаго Сената и Общія оныхъ Собранія сообщить вѣдѣнія, а въ Департаментъ Министерства Юстиціи передать копію съ сего опредѣленія. Марта 20 дня 1865 года.

II.

ИЗВѢСТІЯ.

Указомъ Правительствующаго Сената отъ 14-го іюля 1864 года, № 181, награждены чинами, по Нижегородской Духовной Консисторіи и ея вѣдомству.

Въ Коллежскіе Секретари— канцелярскій чиновникъ Консисторіи, Губернскій Секретарь Илья Георгіевскій, со старшинствомъ съ 25 января 1864 года.

Въ Губернскіе Секретари — Столначальникъ Лукояновскаго Духовнаго Прасленія, Коллежскій Регистраторъ Михаилъ Цвѣтковъ, съ 19 августа 1863 года.

Въ Коллежскіе Регистраторы— канцелярскіе служителя Консисторіи: Константинъ Лаврскій, съ 19 октября, Петръ Садовскій съ 12 ноября 1863, и Александръ Левковъ, съ 11 сентября 1862 года.

— Высочайшимъ указамъ, даннымъ Капитулу Русскійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ въ 18-й день іюня сего года Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ Св. Станислава 3-й степени столначальникъ и приходорасходчикъ Нижегородской Консисторіи Титулярный Совѣтникъ Василій Фигуровскій.

— Его Преосвященствомъ, Пресвященнѣйшимъ Нектаріемъ рукоположены во священники осончившіе курсъ семинарскихъ наукъ, воспитанники:

1) Никандръ Врловскій въ село Шерстино, Ардатовскаго уѣзда.

2) Андрей Зеленогорскій въ село Николаевку, Ардатовскаго уѣзда.

3) Никандръ Ивановскій въ село Холостой-Майданъ, Арзамасскаго уѣзда.

4) Студентъ Константинъ Коринскій къ Скорбященской, что при Мартыновской больницѣ, церкви въ Нижнемъ-Новгородѣ.

5) Студентъ Иванъ Добротворскій въ село Какино, Сергачскаго уѣзда.

РАЗРЯДНЫЙ СПИСОКЪ

учениковъ Нижегородской духовной семинарии, составленный послѣ внутреннихъ испытаній, бывшихъ въ юль мѣсяцъ 1865 года.

ВЫСШАГО ОТДѢЛЕНІЯ

1-го класса.

Разрядъ I-й: Петръ Иваницкій, Иванъ Малиновскій, Владиміръ Люцерновъ, Николай Миловцовъ, Михаилъ Коринскій, Иванъ Прокоповичъ, Владиміръ Сибгиревъ.

Разрядъ II-й: Иванъ Лезвійскій, Федоръ Бѣлавинъ, Николай Архангеловъ, Яковъ Казанскій, Николай Покровскій, Александръ Владимірскій, Александръ Руповскій, Иванъ Преображенскій, Степанъ Николаевскій, Федоръ Покровскій, Николай Милотворскій, Алексѣй Алѣевъ, Алексѣй Листовъ, Митрофанъ Мировскій, Николай Яхонтовъ, Теофанъ Селунскій, Федоръ Барминскій, Александръ Митропольскій, Евграфъ Стерновъ, Сергѣй Персидскій, Алексѣй Стрѣльниковъ, Александръ Мипервинъ, Андрей, Цвѣтаевъ, Александръ Геніевъ, Алексѣй Николинъ, Иванъ Мелибѣевъ, Василій Аристовъ, Иванъ Золотовъ, Михаилъ Штерновъ, Дмитрій Красовскій, Павелъ

Виноградовъ, Иванъ Цвѣтковъ, Александръ Лебедевъ,
Николай Царовскій.

Разрядъ III-й: Василій Благовъ, Алексѣй Виногра-
довъ,—за безуспѣшіе исключаются въ Епархіальное вѣдом.

2-го класса.

Разрядъ I-й: Аполлосъ Бѣлавинъ, Николай Кубинцевъ,
Василій Лавровъ, Дмитрій Радугинъ, Владиміръ Виногра-
довъ, Николай Успенскій, Левъ Кеарскій, Неофитъ
Приклонскій, Константинъ Песоцкій, Павелъ Делекторскій.

Разрядъ II-й: Михаилъ Лауринъ, Иванъ Успенскій,
Андрей Тишкевичъ, Василій Садовскій, Алексѣй Мали-
нинъ, Николай Тишкевичъ, Александръ Кордаговъ, Иванъ
Нагавиципскій, Николай Критскій, Иванъ Васильковъ,
Константинъ Виноградовъ, Александръ Надежинъ, Петръ
Коридалинъ, Василій Смирновъ, Алексѣй Померанцевъ,
Константинъ Никольскій, Иванъ Невскій, Николай Фло-
ринскій, Иванъ Никольскій, Алексѣй Крыловъ, Семень
Яворскій, Николай Семіотрочевъ, Сергѣй Красовскій, Ни-
колай Лавровскій, Николай Побѣдоносцевъ, Михаилъ Трав-
ницкій, Григорій Соловьевъ, Александръ Малицкій.

Разрядъ III-й: Ананія Пальмовъ,—за безуспѣшіе иск-
лючается въ Епархіальное вѣдомство. Приватнообучающіеся:
Никаноръ Никольскій, Михаилъ Кочкинъ,—какъ оказав-
шіе вполне удовлетворительные успѣха, поступаютъ въ
число дѣйствительныхъ учениковъ.

СРЕДНЯГО ОТДѢЛЕНІЯ.

1-го класса.

Разрядъ I-й: Василій Зезировъ, Михаилъ Садовскій,
Николай Владимірскій, Иванъ Приклонскій, Иванъ Влади-

мірскій, Владимір Рувимовъ, Николай Мамонтовъ, Платонъ Пѣснопisceвъ, Николай Невскій, Иванъ Анфимовъ, Павель Добротинъ, Александръ Соболевскій, Алексѣй Тепловскій, Николай Фіалковскій, Василій Авдентовъ.

Разрядъ II-й: Василій Алмазовъ, Семенъ Писаревъ, Михаилъ Алѣевъ, Иванъ Огневскій, Александръ Покровскій, Михаилъ Михайловскій, Александръ Софійскій, Леонидъ Бѣлавинъ, Федоръ Херсонскій, Николай Соколовъ, Иванъ Соколовскій, Александръ Прилежаевъ, Иванъ Рюриковъ, Павелъ Люцерновъ, Михаилъ Пальмовъ, Рафаилъ Цитроновъ, Михаилъ Троицкій, Василій Невскій, Александръ Пемеранцевъ, Василій Ульяновъ, Николай Виноградовъ, Савва Виноградовъ, Дмитрій Гуляевъ, Дмитрій Виноградовъ, Асафъ Фаминскій, Петръ Остроумовъ, Константиъ Полетаевъ, Андрей Катунцевскій, Василій Веселитскій, Александръ Кротковъ, Алексѣй Владиміровъ, Николай Миловидовъ, Николай Веселитскій, Иванъ Кириловскій, Александръ Архангельскій, Александръ Орловъ, Алексѣй Орловскій.

Разрядъ III-й: Михаилъ Кротковъ, Алексѣй Голубевъ, Иванъ Святицкій, — за безуспѣшіе исключаются въ Епархіальное вѣдомство. Приватно обучающійся: Иванъ Делицинъ, — какъ оказавшій удовлетворительные успѣхи, поступаетъ въ число дѣйств. учениковъ.

2-го класса.

Разрядъ I-й: Николай Орѣховскій, Николай Бѣлавинъ, Федоръ Садовъ, Михаилъ Смиренскій, Петръ Смирнинъ, Николай Архангельскій, Михаилъ Парійскій, Николай Востоковъ, Павелъ Нечаевъ, Павелъ Руновскій, Иванъ Вейсовъ, Леонидъ Доброславинъ, Иванъ Зерчаниновъ, Арсеній Зерновскій, Александръ Сибѣгиревъ.

Разрядъ II-й: Александръ Воскресенскій, Петръ Никольскій, Левъ Граціановъ, Андрей Багрянскій, Александръ

Вязовскій, Алексѣй Раевскій, Евгенийъ Зефировъ, Михаилъ Крыловъ, Михаилъ Золотницкій, Александръ Доброправовъ, Иванъ Остроумовъ, Павелъ Страгородскій, Иванъ Красовскій, Петръ Раевскій, Алексѣй Садовскій, Алексѣй Виноградовъ, Алексѣй Валядовъ, Иванъ Лавровъ, Иванъ Введенскій, Василій Цедринскій, Владиміръ Покровскій, Аполлонъ Никольскій, Алексѣй Ремезовъ, Александръ Сиѣжницкій, Павелъ Владимірскаго, Михаилъ Лебедевъ, Михаилъ Иваницкій, Владиміръ Алферьевъ, Иванъ Смирновъ, Константинъ Архангельскій, Николай Зефировъ, Иванъ Травинъ, Петръ Ремезовъ, Александръ Казанскій, Андрей Репьевъ, Сергѣй Святославовъ, Хрисанфъ Берсеменовскій, Иванъ Кудрявцевъ, Семень Дѣброславскій.

Разрядъ III-й. Николай Тихоміровъ, Павелъ Безводинскій, — за безуспѣшіе исключаются въ Епархіальное вѣдомство.

НИЗШАГО ОТДѢЛЕНІЯ.

1-го класса.

Разрядъ I-й: Дмитрій Касторскій, Иванъ Крыловъ, Ѳедоръ Дмитрій, Петръ Хитровскій, Дмитрій Прозоровскій, Ѳедоръ Мамонтовъ, Григорій Зерчаниновъ, Ѳедоръ Каллистовъ, Всеволодъ Лузинъ, Михаилъ Сиѣжницкій, Веніаминъ Вишневскій, Иванъ Орловъ, Викторъ Миловидовъ, Михаилъ Щегловъ, Степанъ Смирновъ, Левъ Бѣловъ, Василій Спасскій, Егоръ Корельскій, Алексѣй Зерчаниновъ, Иванъ Солнцевъ, Сергѣй Смысловъ, Василій Надежинъ, Семень Серебровскій, Василій Сенатскій, Иванъ Лебедевъ 2-й.

Разрядъ II-й: Николай Успенскій, Николай Маковъ, Алексѣй Клопскій, Александръ Граціановъ, Иванъ Малиновскій, Иванъ Драницинъ, Александръ Вербицкій, Павелъ Знаменскій, Василій Орловъ, Александръ Борну-

ковъ, Иванъ Пѣвницкій, Василій Мальцевъ, Левъ Лаврскій, Иванъ Быстровъ, Михаилъ Твердовскій, Алексѣй Критскій, Михаилъ Цедровъ, Константинъ Красицкій, Григорій Преображенскій, Николай Архангельскій, Василій Невѣдомскій, Павелъ Плетеневскій, Дмитрій Скамницкій, Иванъ Весницкій, Иванъ Никольскій, Николай Зефировъ, Михаилъ Звѣздинъ, Алексѣй Константовъ, Антонинъ Фаворскій, Аркадій Пустынскій, Иванъ Лебедевъ 1-й, Василій Смирновъ (Арз.), Михаилъ Граціановъ, Алексѣй Граціановъ, Михаилъ Аратскій, Николай Фаворскій, Николай Полетаевъ, Ксенофонтъ Дивногорскій, Егоръ Адамантовъ, Алексѣй Никольскій, Григорій Рождественскій, Михаилъ Дроздовъ, Иванъ Ильинскій, Александръ Архангельскій, Александръ Захарьевскій, Дмитрій Успенскій, Иванъ Скворцевъ, Иванъ Колосовъ, Александръ Введенскій, Павлинъ Голубевъ, Иванъ Зеленецкій, Михаилъ Бриницкій, Владиміръ Крутовскій, Павелъ Покровскій, Алексѣй Алмазовъ, Владиміръ Аргентовъ, Федоръ Листовъ (Нижег.), Василій Богородскій, Александръ Аратскій, Ипполитъ Красовскій, Александръ Астреинъ, Александръ Никольскій, Александръ Добролюбовъ, Александръ Хованскій, Иванъ Ягодицскій, Федоръ Листовъ (Арзам.), Василій Смирновъ (Нижег.), Василій Гагинскій, Иванъ Бѣляевскій, Дмитрій Добронравовъ, Василій Боницкій, Михаилъ Городецкій, Василій Ильинскій.

Разрядъ III-й: Леонидъ Виноградовъ, Михаилъ Бѣляевъ, Леонидъ Преображенскій, Василій Аѳонскій, Степанъ Знаменскій, Николай Цедровскій, Иванъ Блапковъ. — за безуспѣшіе исключаются въ Епархіальное вѣдомство.

2-го класса.

Разрядъ I-й: Николай Кенарскій, Василій Успенскій, Алексѣй Плотиновъ, Василій Остроумовъ, Василій Васильковъ, Федоръ Соколовъ, Африканъ Розановъ, Антонъ Поспѣловъ, Александръ Славницкій, Николай Самосскій, Порфирій Фивейскій, Павелъ Добрѣнравовъ, Владиміръ

Михайловскій, Александръ Митропольскій, Андрей Виноградовъ, Алексѣй Добротинъ, Митрофанъ Смарагдовъ, Михаилъ Серебровскій, Иванъ Соловьевъ, Павелъ Потоцкій, Платонъ Сѣверовъ, Иванъ Доброхотовъ, Павелъ Миловъ, Иванъ Орнатскій, Владиміръ Воскресенскій.

Разрядъ II-й: Иванъ Веселовскій, Евграфъ Богомольскій, Василій Промитовъ, Владиміръ Рюриковъ, Александръ Подольскій, Василій Садовскій, Василій Архангельскій, Иванъ Коринескій (Арзам.), Петръ Соболевъ, Егоръ Орловъ, Ѳедотъ Кремневъ, Иванъ Троицкій, Николай Соколовъ, Павелъ Константиновскій, Филиппъ Альбовъ, Сосипатръ Орнатскій, Николай Приклонскій, Иванъ Никольскій, Евгенийъ Троицкій, Александръ Успенскій, Михаилъ Покровскій, Лавръ Эвергетовъ, Иванъ Зефировъ, Петръ Музинъ, Михаилъ Веселовскій, Николай Прозоровскій, Аполлонъ Зеэировъ, Александръ Стерновъ, Михаилъ Успенскій, Александръ Понятовскій, Иванъ Виноградовъ, Иванъ Фіалковскій, Анатолій Коринескій, Фостирій Князевъ, Алексѣй Тихоміровъ, Василій Ремезовъ, Павелъ Тольскій, Василій Дроздовъ, Николай Архангельскій, Василій Румянцевъ, Александръ Альбовъ, Александръ Кудрявцевъ, Николай Целебровскій, Павелъ Добровраховъ 2-й, Иванъ Покровскій, Василій Святославовъ, Александръ Розовъ, Андрей Садовскій, Василій Яворскій, Иванъ Муравьевъ, Иванъ Репьевъ, Арсеній Глѣбскій, Иванъ Померанцевъ, Павелъ Лебединскій, Рафаиль Невѣдомскій, Михаилъ Любимцевъ, Иванъ Целебровскій, Алексѣй Лавровъ, Никаноръ Покровскій, Иванъ Раевичъ, Кронидъ Доброзраковъ, Алексѣй Соловьевъ, Иванъ Бенедиктовъ, Иванъ Коринескій (Нижег.), Михаилъ Знакомцевъ, Павелъ Громовъ, Андрей Тузановскій, Яковъ Сахаровъ, Василій Орловъ, Иванъ Слободской, Александръ Сигрианскій, Ѳедоръ Миловскій, Михаилъ Васильковъ, Іустинъ Громовъ, Алексѣй Новинскій, Павелъ Пожарскій, Иванъ Тихонравовъ, Алексѣй Берсемяновскій, Алексѣй Голубевъ.

Разрядъ III-й: Андрей Алядинъ, Михаилъ Остроумовъ, Яковъ Коронатовъ, Григорій Таминскій, Михаилъ Николаевскій,—за безуспѣшіе исключаются въ Епархіальное вѣдомство. Приватно обучающійся: Андрей Свавицкій,—какъ оказавшій достаточные успѣхи, поступаетъ въ число дѣйствительныхъ учениковъ.

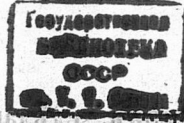
Е. В. выходятъ 1 и 15 | Цѣна въ редакціи 4 р., а съ
числѣмъ каждаго мѣсяца. | доставкою 5 р.

Адресоваться: въ редакцію Нижегородскихъ епархіальныхъ вѣдомостей при Нижегородской духовной семинаріи.

СОДЕРЖАНІЕ: Постановленія и распоряженія Правительства.—Извѣстія.—Разрядный списокъ учениковъ Нижегородской духовной семинаріи.

Дозволено цензурой. 21-го августа 1865 года.

НИЖНИЙ-НОВГОРОДЪ; ВЪ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

НИЖЕГОРОДСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

1-го СЕНТЯБРЯ.

№ 17-й.

1865 ГОДА.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

О СВЯТЫХЪ ИКОНАХЪ,

ПО ПРЕИМУЩЕСТВУ ЧТИМЫХЪ ВЪ НИЖЕГОРОДСКОЙ ЕПАРХІИ (*).

(Продолженіе.)

Икона Божіей Матери—троеручицы, въ церкви села Ельни (въ 15 верстахъ отъ Нижняго Новгорода). Вся дска этой иконы мѣрою два аршина длины и одинъ аршинъ ширины. На верхней части дски изображеніе Божіей Матери съ Превѣчнымъ Младенцемъ, которое занимаетъ 5 четвертей; на нижней части подъ изображеніемъ Богоматери написано сказаніе объ этой иконѣ. Но сказаніе это само себя изобличаетъ въ невѣрности, равно какъ недозволяетъ принять за вѣрное и существующаго о происхожденіи св. иконы мѣстнаго преданія, хотя и надпись и преданіе одинаково утверждаютъ, что она есть

(*) См. Ниж. Епарх. вѣд. № 9, 10, 11 и 16 за 1865 г.

точный списокъ, сдѣланный греческимъ живописцемъ съ чудотворной иконы Троиручицы, находящейся на Аѳонѣ въ Хиландарской обители, и что лѣта 7172 (1664). Этотъ списокъ посланъ былъ съ Аѳонской горы съ Архимандритомъ Теофаномъ въ даръ Патриарху Никону для основанной имъ Воскресенской обители, называемой Новымъ Иерусалимомъ. ⁽³⁰⁾ Изъ соображенія надписи и преданія можно вывести только вѣроятное предположеніе о происхожденіи ельнинской иконы, а именно: что она есть списокъ съ той иконы, которая прислана съ Аѳонской горы въ Воскресенскій, или Новоіерусалимскій монастырь, и что списокъ этотъ сдѣланъ уже въ то время, когда митрополитъ Леонтій, объ которомъ говоритъ надпись на иконѣ, далъ объясненіе архимандриту Никанору о причинѣ изображенія Богоматери съ тремя руками, — т. е.

(30) Мѣстное преданіе говоритъ, что въ селѣ Фроловскомъ (нынѣ приходской къ селу Ельнѣ деревнѣ) была церковь и загородный архіерейскій домъ, такъ какъ это село входило въ составъ отчины нижегородскихъ іерарховъ, что архимандритъ Теофанъ, везшій икону Троиручицы въ Новоіерусалимскій или Воскресенскій монастырь, основанный Патриархомъ Никономъ, остановился въ этомъ загородномъ архіерейскомъ домѣ, тяжело заболѣлъ и умеръ. Въ пребываніе его здѣсь икона Троиручицы находилась въ церкви села Фроловскаго, гдѣ, по смерти его, и осталась. Черезъ нѣсколько времени церковь и загородный архіерейскій домъ отъ источниковъ истекающихъ изъ горы, гдѣ они находились, потерпѣли сильное поврежденіе, и первая упразднена, а послѣдній перенесенъ въ Ельну, въ которому причислено и бывшее село Фроловское. По этому случаю и икона Троиручицы перенесена въ Ельнинскую церковь. Вымываемая доселѣ ежегодно весеннею водою, въ значительномъ количествѣ, кости человѣческія изъ горы деревни Фроловской не допускаютъ сомнѣнія, что въ этой деревнѣ была нѣкогда церковь и при ней кладбище. О существованіи архіерейскаго дома въ селѣ Ельнѣ, входившимъ, какъ и Фроловское, въ составъ отчины нижегородскихъ архипастырей, также свѣжо преданіе, — надпись на иконѣ Троиручицы, сдѣланная на одной доскѣ подъ изображеніемъ Богоматери, считаемъ за нужное помѣстить для любознательныхъ особымъ приложеніемъ въ томъ самомъ видѣ; въ какомъ она имѣется, т. е. съ соблюденіемъ всѣхъ грамматическихъ ея достоинствъ.

въ 1686 году или позднѣе; что побужденіемъ для жителей села Фроловскаго къ снятію списка послужило довольно продолжительное проживаниеъ въ этомъ селѣ везшаго икону архимандрита Теофана, къ которому онъ вынужденъ былъ болѣзнію, какъ говоритъ преданіе, или можетъ быть и тяжелыми обстоятельствами, въ какихъ находился патриархъ Никонъ въ 1664 и слѣдующихъ годахъ. Благоговѣя предъ сею иконою, какъ благодатнымъ даромъ отъ святой Аѳонской горы на благословеніе новоустроенной Новоіерусалимской обители, жители села Фроловскаго пожелали имѣть списокъ съ нея въ своей церкви, и подъ изображеніемъ Богоматери написали и сказаніе о ней, переданное митрополитомъ Леонтіемъ архимандриту Никонору (31). Какую степень вѣроятія имѣтъ высказанное нами предположеніе, — предоставляемъ суду другихъ; но вѣрно то, что икона Троеручицы, въ селѣ Ельпѣ находящаяся, не можетъ быть иконою, посланною съ архимандритомъ Теофаномъ въ Воскресенскую обитель. Кромѣ другихъ обстоятельствъ, невѣрность этаго преданія изобличается *самою надписью*, на одной дскѣ съ изображеніемъ Богоматери сдѣланною. Могъ ли греческій живописецъ, дѣлавшій снимокъ съ хиландарской иконы, сдѣлать эту надпись? Нельзя допустить и того, чтобы подъ изображеніемъ Богоматери оставлено было свободное мѣсто для сдѣланія потребной подписи послѣ, — по самому предназначенію иконы для столь высокаго лица, какъ патриархъ Никонъ.

(31) Архим. Никаноръ настоятельствова въ Воскресенскомъ монастырѣ съ 1686 по 1696 годъ. (Ист. Росс. Іерархіи часть 11 стр. 351, изд. 1810 года). Въ числѣ достопримѣчательныхъ вещей этаго монастыря въ описаніи его (также Ист. Іерархіи ч. 11 стр. 326) упоминается: *образъ Богоматери* драгоценными украшенный камнями, присланный къ патриарху Никону изъ Аѳонской горы отъ Константинопольскаго патриарха Макарія — Не образъ ли это Троеручицы, предъ которымъ митрополитъ Леоптій объяснилъ архим. Никанору причину изображенія Богоматери съ тремя руками, и который препровожденъ былъ къ патриарху Никону съ архимандритомъ Теофаномъ?..

Но отъ вышесказанныхъ нами соображеній и предположеній о происхожденіи ельнинской иконы Троеручицы, въ которыя завлекли насъ мѣстное преданіе и надпись подъ изображеніемъ Богоматери, перейдемъ къ настоящему предмету нашего сочиненія, т. е. къ воздаваемому ей благоговѣйному чествованію. Икона Божіей Матери Троеручицы, въ церкви села Ельни находящаяся, съ первыхъ же дней нахождения ея въ этой церкви чествуется какъ *чудотворная*. Правда, что нѣтъ ни официальныхъ, ни частныхъ записей о первыхъ совершившихся отъ нея чудесахъ; но много устныхъ преданій сохранилось о томъ въ памяти народной. По одному изъ этихъ преданій первое чудо отъ иконы Богоматери совершилось при самомъ перенесеніи ея изъ упраздненной церкви Фроловской въ село Ельну. Побуждаемая благочестивымъ чувствомъ двѣ старушки деревни Фроловской, при незначительномъ стеченіи народа, дерзнули подыять образъ Царицы небесной для перенесенія въ церковь ельнинскую безъ обычнаго при подобныхъ случаяхъ священнаго обряда. Но едва сдѣлали онѣ нѣсколько шаговъ, какъ поражены были слѣпотою и должны были остановиться. О случившемся немедленно дано знать церковному причту села Ельни. Вслѣдствіе этого совершенъ былъ торжественно крестный ходъ для срѣтенія иконы. Какъ только она была принесена въ церковь ельнинскую, пораженныя слѣпотою старицы получили исцѣленіе. Чудо это быстро огласилось жителями окрестныхъ селеній, и народъ сталъ приходить на поклоненіе иконѣ Троеручицы, какъ *чудотворной*. По другому преданію, неоднократно замѣчали мѣстные жители, что лампадка съ елеемъ и мѣстная свѣча предъ иконою зажигались сами собою въ такое время, когда не было службы въ продолженіе двухъ или трехъ дней. И молва объ этомъ умножала число приходящихъ на поклоненіе Царицѣ Небесной предъ ея чуднымъ образомъ. Благодатную силу этого образа особенно живо чувствовали болящіе, приходившіе на поклоненіе ему и получавшіе исцѣленіе. Нѣкоторые изъ нихъ, въ благодарность за чудесную помощь привѣшивали къ иконѣ серебряныя руч-

ки. Такихъ ручекъ въ настоящее время на иконѣ шесть и одна ножка тоже серебряная. Но цѣлебная сила чудотворной иконы проявлялась не только въ отдаленныя отъ насъ времена, а проявляется и нынѣ. Незаписываются, какъ слѣдовало бы, чудеса отъ нея совершающіяся, но живо сохраняются въ памяти мѣстнаго причта и окрестныхъ жителей. Вотъ нѣкоторыя чудеса, совершившіяся отъ иконы Троиручицы въ недавнее время: 1) въ 1839 году, бывший становой приставъ Е. А. Хвальковскій пріѣхалъ на поклоненіе иконѣ съ сыномъ своимъ, который нѣсколько лѣтъ не владелъ лѣвою рукою. По отслуженіи молебна больному помазали руку елеемъ изъ лампадки, предъ иконою находящейся, и онъ тутъ же почувствовалъ облегченіе, потомъ вскорѣ рука его стала совершенно здоровою. Въ благодарность за чудесное исцѣленіе г. Хвальковскій привѣсилъ къ иконѣ серебряную кисть руки, которая и нынѣ находится на ней.

2) Въ 1853 году нижегородскаго уѣзда села Семети крестьянская дѣвица, немолодыхъ лѣтъ, одержимая злымъ духомъ, пришла на поклоненіе иконѣ Троиручицы и рассказала о себѣ, что видѣла во снѣ Жену необыкновенной красоты, которая сказала ей, что если она каждый годъ будетъ ходить въ Ельню и молиться предъ этою иконою, то освободится отъ своей болѣзни. При этомъ дѣвица просила отслужить молебенъ. Въ самомъ началѣ чтенія *акаѳста* Богоматери изъ устъ больной вырвался дикій неистовый крикъ, и она упала на помость храма. Минуты двѣ продолжались съ ней конвульси, потомъ она пришла въ оцѣпененіе. Когда священникъ, служившій молебенъ, прикоснулся къ больной св. Евангеліемъ, она сильно вздрогнула и затѣмъ опять была въ оцѣпененіи. Но какъ только окропили ее св. водою, она открыла глаза, какъ бы пробудясь отъ глубокаго сна, и чувствовала крайнее изнеможеніе. Поднявшись съ пола при помощи другихъ, она безъ всякаго сопротивленія приложилась къ св. кресту и потомъ къ иконѣ Богоматери. — Черезъ годъ послѣ этого дѣвица опять приходила въ село

Ельню на поклонение Царицѣ небесной и говорила, что въ продолженіе всего года съ нею небыло ни одного изъ тѣхъ припадковъ, какіе прежде случались предъ каждымъ праздникомъ.

3) Въ 1857 году нижегородскій мѣщанинъ Иванъ Ивановъ, 43 лѣтъ, пришедшій въ церковь села Ельни, усердною, пламенною молитвою предъ иконою Богоматери Троеручицы обратилъ на себя вниманіе мѣстнаго священника. На вопросъ, что особенно побудило его къ такой усердной молитвѣ, Ивановъ разсказалъ о себѣ слѣдующее: «Я родился калекою. Правая моя рука была согнута дугообразно и находилась на спинѣ. Когда мнѣ было три года отъ рожденія, мать моя принесла меня въ село Ельню, чтобы предъ образомъ Троеручицы испросить мнѣ исцѣленіе. По отслуженіи молебна больную руку мою помазали елеемъ изъ лампадки, висѣвшей предъ образомъ Троеручицы. Кромѣ матери, со мною была родная сестра моя, Александра, тоже малолѣтняя. Вышедши изъ церкви, мы сѣли на траву въ церковной оградѣ. Сестра моя, сорвавъ цвѣтокъ и подавая его мнѣ, сказала: *Ваня, на тебѣ цвѣточекъ!* Я протянулъ больную руку, и взялъ цвѣтокъ. И вотъ уже около 40 лѣтъ какъ я работаю (онъ чеботарь) этою рукою и нечувствую въ ней никакой боли».

Много не только между мѣстными жителями, но и между нижегородцами найдется людей, которые получили отъ Царицы Небесной за благоговѣйное чествованіе Ея въ этой иконѣ или чудное исцѣленіе или другую благодатную помощь. Память о томъ сохраняется въ ихъ сердцахъ, передается ближнимъ ихъ, и вѣра въ чудодѣйственную силу иконы Троеручицы и благоговѣйное чествованіе ея возвышается съ каждымъ годомъ.

Въ 1846 году нижегородскій купецъ А. Д. К., безъ сомнѣнія побуждаемый святымъ чувствомъ признательности къ Богоматери за благодатную помощь, явленную ему

черезъ этотъ святой образъ Ея, устроилъ на него сребропозлащенную ризу—съ жемчужнымъ,—весьма значительной цѣнности, убрусомъ, а прежде того дѣлалъ и другія не столь значительныя жертвы на украшеніе его.

Принесена сія святая икона Пресвятыя Богородицы изъ Аѳонской горы архимандритомъ Теофаномъ лѣта 7172 мѣсяца октоврія дня; сія святая икона съписана тояжь горы аѳонскія обители Хиландарской, съ самыя той чудотворныя иконы, греческимъ изографомъ во обитель Воскресенскую еже есть новый Иерусалимъ Святѣйшему Патріарху Никону бывшу въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ лѣто 7194 (1686 году,) Палестины святыя горы Аѳонскія мужу благочестиву, Митрополиту Леонтію, милостыни ради якоже имуть обычай греческія земли и иныхъ земель христіаны, Митрополиты, Архіепископы, Епископы, Архимандриты, Игумены и всякаго другаго чина, и *мірскія прильжатели* (*); случися убо тому Митрополиту быти у насъ въ воскресенской обители со многими людьми духовнаго чина и мирскими; понеже обитель сія славна у нихъ во всѣхъ *палестинахъ* и воиныхъ царствахъ; и ходившимъ намъ съ нимъ по всей нашей великой Церкви, указывая вся святыя мѣста, идеже устроено бѣ во образъ святыя Иерусалимскія Церкви, яже *суть* (!) въ Палестинѣ и дошедшу (имъ)? намъ съ нимъ въ предѣ градіе, идеже стоитъ святая Икона Пресвятыя Богородицы Троеручицы; намъ же (бѣ) прилежно вопрошавшу (имъ)? его Леонтія Митрополита, съ моленіемъ испытуя истины, чого ради написана тамо сія икона у васъ во обители горѣ аѳонской, за не имѣете (ъ) страннѣе (е) изображеніе; три руцѣ бо имитъ не по естеству человѣческаго рода, и тѣмъ у насъ многое сумнѣніе имуть и насъ вопрошаютъ часто испытуя истины, мы же *тѣмъ не вѣмъ что гласу праздноу-*

(*) Т. е. «изъ мірянъ у сердствующихъ»; къ чему? къ благолѣпію церквей и монастырей.

емъ (*). Онъ же Митрополитъ Леонтій, мнѣ Архимандриту Никанору новѣда сицѣ: въ нашей убо Греческой странѣ въ Епархіе Константинопольской Патріарху (и)? есть святая гора аѳонская, долина ей и поприщъ, прекій (... конецъ? путь?) к поприщъ, высота л поприщъ, тамо же множество иныхъ монастырей. Есть между тѣми еще монастырь, вельми славный зовомый Хиландарь по руски сказуется *Львовы уста*, и есть тамо монастырь въ той же горѣ аѳонской въ дальномъ разстояніи монастырь Иверъ, обитель славна, строеніе древнихъ благочестивыхъ царей Иверскихъ, сиречь Грузинскихъ, мнѣ же убо тамо бывшу во обители той въ малыхъ лѣтахъ, пострижену же жившу многіе времена, и бывшу мнѣ ту Архимандриту, и бысть (?) на Митрополіи нынѣ гдѣ я живу въ той обители Иверской по своему обещанію, святая бо та самая Икона Чудотворная Пресвятая Богородицы Троеручицы и бываетъ въ той обители хиландарской видима всѣми творить же преславная и великая чудеса свѣроу приходящимъ. Бысть же отъ той святой Иконы сицевое чудо преславное, обители тоя изографу пишущу Икону сію въ давныя времена, на чадъ (тѣ) убо изобразити по обычаю изографа, Той образъ Пресвятая Богородицы Одигитріи Имущую двѣ руки якоже бѣ обычай и отыде орудія ради нѣкоего потребнаго, въ келію другую на малое время, и промысломъ вышняго Бога начертася и рука среди прочихъ рукъ пониже; Мастеру же пришедшу въ келію и *виде* таковое необыкновенное дѣло вознегодова на братію сущу ту нѣкими учащимся (щимся)? мня яко глумленіе творять нѣкто надъ нимъ; сваряся заглади(хъ) оную третію руку и пиша по обычаю до вечера, нощію сіе же паки начертася (ся)? оная третія рука якоже

(*) Множество грубыхъ ошибокъ обличаютъ въ надписи копію, а не оригиналь, какъ должно читать въ настоящемъ мѣстѣ? быть можетъ въ подлинникѣ было: «мы же тѣмъ не вѣмы что (отвѣщаемъ и не вѣ) гласу празднуемъ» повтореніе буквъ легко могло произвести опущеніе слова «отвѣщаемъ».

и первее, онъ же воста и видевъ оную руку възъярися вельми на братію, и глаголя яко ругаются ему и пакости дѣють и паки заглади (хъ) ниша по обычаю и въ третью зъ ночь явися та рука на Иконѣ и бысть гласъ ему глаголя не дерзай изографе руки сея заглаждати, не протився силѣ Вышняго Бога якоже изволися и ему (се-му)? быти; Азъ же Архимандритъ Никаноръ слышавъ изъ усть того Леонтія Митрополита, (... пропускъ) изъ усть нашихъ тако написася веденія ради сумнящихся о сей святой иконѣ Пресвятыя Богородицы Троеручицы о семъ бо ни ктоже сомненія да имѣеть, яко (же) Пресвятыя Владычицы Богородицы въ жизни сей, егда на земли съ человеки поживѣ не имѣя (я) три руцѣ, но токмо двѣ также якоже носи на рукахъ своихъ Пречистая Превѣчнаго Младенца, родившагося отъ нея Господа Нашего Иисуса Христа, во образъ первозданнаго отъ него адама, и отъ него родшихся всѣхъ челоуѣкъ имѣ(я) токмо две руце; такожде и сія Святая Икона Пресвятыя Богородицы по дѣйству чудотворенія ея имѣя три руце, а не по естеству рожденія, яко о семъ множество изображенія разное по дѣйству чудотворнаго въ разныхъ мѣстахъ и градахъ, якоже обычай образъ Пресвятыя Богородицы писати; умиленіе, играніе на рукахъ Пресвятыя Богородицы кормленіе младенца странными изображеніями вельми и прочіе такожде сія святая Икона Пресвятыя Богородицы яже глаголемыя Троеручицы, о сей святей Иконѣ воспоминается въ житіи Преподобнаго Отца нашего Михаила Маленна Іулія въ 12 день сиеце, еще убо святая иславна въ нейже есть повесть о чудеси Пресвятыя Богородицы дивно предлежитъ таже и Хиландаръ по руски сказуется Львовы Уста обитель въ нейже Церковь Пресвятыя Богородицы честнаго ея введенія тамо же Икона Пресвятыя Богородицы еже глаголется Троеручица и монастырь той Іверъ нарицаемъ.

Это сказаніе объ иконѣ Божіей Матери Троеручицы намъ неоднократно случалось слышать изъ усть нашихъ,

такъ называемыхъ, *пачетчиковъ*, но ни въ старинныхъ, ни въ новыхъ печатныхъ книгахъ и рукописныхъ не привелось читать его.

О ЧЕРКИ

ИЗЪ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКОЙ МИФОЛОГИИ.

I

Изученіе русской народности во всѣхъ ея проявленіяхъ въ настоящее время сдѣлалось самою важною отраслю отечественнаго просвѣщенія. Наука сбросила съ себя прежній свой аристократизмъ, который изучалъ только самыя благовоспитанныя вещи и отворачивался отъ чистаго русскаго духа, презиралъ темную жизнь и невѣжественное «умоначертаніе подлаго народа», какъ выражались въ XVIII столѣтіи. Она отсюду стала собирать памятники народныхъ вѣрованій, понятій, нравовъ и обычаевъ, и съ любовію изучаетъ ихъ. Это новое направленіе науки, развившееся преимущественно въ настоящее царствованіе, какъ ни молодо, вполне соответствуетъ высокимъ практическимъ задачамъ нашего времени, — улучшенію быта народнаго и образованію народныхъ массъ.

Наша духовная наука поступила бы въ высшей степени не выгодно для себя и для Церкви, еслибы не отозвалась на благотворныя стремленія вѣка. Церковные дѣятели, которыхъ она должна образовывать, преимущественно предъ всѣми общественными дѣятелями, призваны къ изученію русской народности. Ихъ священный долгъ — воспитывать и преобразовывать эту народность по началамъ нашей православной Церкви. На нихъ же Провидѣніемъ

и исторію возложена у насъ завидная обязанность быть почти исключительными просвѣтителями народныхъ массъ. Нашъ народъ издревле живетъ преимущественно религіозною жизнію. Приходскій храмъ для него всегда былъ единственнымъ источникомъ образованія, новыхъ понятій и убѣжденій; только церковь отвлекала его отъ его тяжелой, матеріальной жизни, способной совершенно убить душу, и вѣяла на него лучшей, духовной жизнью. Около приходскаго храма, въ домъ священника основывается и современная народная школа. Всѣ, для кого дорогъ интересъ Церкви, должны стараться о поддержаніи этаго порядка вещей, указаннаго цѣлою исторіею народа, должны отъ души желать, чтобы наши пастыри оказались способными къ своему великому призванію, и съ безкорыстнымъ усердіемъ, какое они уже достаточно обнаружили въ своей просвѣтительной дѣятельности, соединяли достаточную опытность, знаніе той почвы, на которой сѣется ихъ слово, знаніе русской народности. Изученіе народныхъ вѣрованій составляетъ для церковнаго дѣятеля дѣло первой необходимости.

Къ величайшему сожалѣнію нужно сознаться, что наша церковная наука доселѣ совершенно опускала изъ виду эти, разсѣяныя въ массѣ, вѣрованія; она усердно и съ честію разрабатывала богословскія знанія, изучала религію христіанскую, какою она должна быть по началамъ Православія, но не обращала вниманія на то, какою она является на дѣлѣ, въ народныхъ вѣрованіяхъ, на тотъ своеобразный складъ, какой она здѣсь получаетъ. Каждый новый пастырь церкви сталкивался съ народною вѣрою совершенно не приготовленный, не понимая ее. Онъ или относился къ ней съ презрѣніемъ, не спускался до нея съ высоты своихъ богословскихъ знаній и оставался чуждъ народу, или же при большей смѣтливости долженъ былъ вступить на длинный путь практическаго изученія народныхъ повѣрій безъ руководства и предварительной подготовки къ этому тяжелому труду.

Съ такими мыслями представляемъ мы нѣсколько историческихъ очерковъ народныхъ вѣрованій. При недостаткѣ подобныхъ трудовъ, при малой доступности ихъ для духовенства и разбросанности по разнымъ періодическимъ и ученымъ изданіямъ, нашъ трудъ, можетъ быть, будетъ не лишнимъ и принесетъ нѣкоторую пользу, какъ сводъ по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ наличныхъ фактовъ и положеній, добытыхъ современными изслѣдованіями.

Начнемъ сначала, — съ очерка древнихъ языческихъ вѣрованій славянъ. Это совершенно необходимо, потому что множество современныхъ повѣрій, обрядовъ, примѣтъ и т. п. восходятъ своимъ началомъ ко временамъ глубокой миѣческой древности и не иначе могутъ быть объяснены, какъ только будучи поставлены на ея почву. Языческая древность была основною стихіей, вошедшей въ составъ современнаго народнаго міросозерцанія, и имѣла сильное вліяніе и на вѣру народа въ христіанствѣ. Общая и неоспоримая истина исторіи, составляющая основную ея аксіому, гласитъ намъ, что историческое развитіе всегда любитъ постепенность, что новое всегда строится на развалинахъ стараго и большею частію на половину изъ стараго матеріала. Перевороты мыслимы только во внѣшней исторіи народа; внутренняя исторія, исторія народнаго духа, убѣжденій, понятій, обычаевъ, не знаетъ скачковъ и переворотовъ. Преимущественно это относится къ исторіи вѣрованій народа; религіозная жизнь наиболѣе имѣетъ консервативный характеръ, любитъ держаться старины, потому что для нея старина составляетъ священный завѣтъ откровеніе воли вѣкожизненныхъ боговъ. Повѣрье или обрядъ теряютъ всякій смыслъ, но они упорно держатся противъ разрушительнаго вліянія времени и благоговѣнно сохраняются и передаются цѣлые вѣка отъ одного поколѣнія другому, хотя ни одно изъ этихъ чередующихся поколѣній уже не понимаетъ того, что оно такъ благоговѣнно отстаиваетъ и хранитъ.

При перемѣнѣ вѣры повидимому совершенно исчезаютъ старыя вѣрованія и замѣняются новыми; но это только видимость, наружная сторона дѣла. Старыя вѣрованія не умираютъ; они также крѣпки и живучи, какъ самая народность народа, находящаяся съ ними въ неразрывной связи и находящая въ нихъ самое полное выраженіе для себя. Они сливаются съ новыми вѣрованіями, уподобляютъ ихъ себѣ и сами видоизмѣняются на новый ладъ. Старый складъ религіознаго сознанія проходитъ по всей исторіи новой вѣры и опредѣляетъ ея народную физиономію. Отъ этого наприм. Христіанство такъ различно у разныхъ народовъ. Изъ одной и тойже почвы берутъ соки растенія, но эти соки перерабатываются сообразно съ органическими законами каждаго растенія. Народъ тоже своего рода организмъ, имѣетъ свои органическіе законы, свои отличительныя свойства, словомъ то, что называется народностію. Къ нему не привьется то, что не согласно съ его народностію. Въ его жизни бываютъ заимствованія отъ другихъ народовъ, усвоеніе чужаго. Но это чужое заимствуется не цѣликомъ, не безусловно. Народный организмъ втягиваетъ въ себя только то, что ему сродно, и по мѣрѣ усвоенія чужаго, обращаетъ послѣднее въ свою собственную плоть и кровь. Заимствованное перерабатывается на народный ладъ, дѣлается своимъ, теряя многія прежнія свойства и получая новыя народныя черты. Все это вполнѣ прилагается къ исторіи вѣрованій.

Жизнь нашихъ предковъ, по введеніи у нихъ христіанства запечатлѣна характеромъ грубаго двоевѣрія. Христіанство существуетъ само по себѣ, язычество—тоже само по себѣ; полуязычникъ славянинъ, помолвившись въ христіанскомъ храмѣ, идетъ послѣ этого въ священную дуброву, къ студенцу, въ овишь и т. д., чтобы принести здѣсь свою убогую молитву старымъ дѣдовскимъ божествамъ; съ священникомъ на ряду являются языческіе арбуи, волхвы, бабы вѣдуньи и другіе представители язычества. Ясный знакъ, что славянинъ еще не усвоилъ себѣ христіанства. Первые проповѣдники горь-

ко жалуются на двоевѣріе массы и сомнѣваются даже въ томъ, какъ назвать своихъ пасомыхъ,—христіанами или язычниками. Съ XIII и XIV вѣковъ становится уже замѣтнымъ процессъ болѣе внутренняго усвоенія христіанства, сліянія его съ русскою народностію. Въ язычествѣ все болѣе и болѣе производится путаницы и искаженій; его миѣы и обряды затемняются въ сознаніи народа. Но и христіанство въ свою очередь много терпитъ отъ вліянія древнихъ вѣрованій; къ нему примѣшивается множество остатковъ старины, которыхъ не успѣла коснуться Церковь; оно получаетъ особенную народную фізіономію; является темная народная вѣра, состоящая изъ самыхъ прихотливыхъ, неожиданныхъ, но характеристичныхъ сплетеній стараго и новаго. Вотъ чѣмъ объясняется на первый взглядъ странное и непонятное явленіе нашей церковной исторіи, что въ первыхъ древнѣйшихъ памятникахъ нашей религіозности мы видимъ болѣе чистое православіе, чѣмъ въ послѣдующіе вѣка. Въ XVI и XVII вѣкахъ мы встрѣчаемъ столько вѣрованій апокрипическаго происхожденія и такія крупныя искаженія въ православіи, что, кажется, вновь воскресло старое язычество со всѣми своими суевѣріями. Очевидно, въ первые вѣка христіанство существовало въ книжномъ видѣ, какъ оно было передано, и было чуждо еще народности; народъ, такъ сказать, механически, на память заучивалъ его формулы, не измѣняя въ нихъ ни слова. Потомъ онъ сталъ воздѣйствовать чуждому заимствованію, сознательно сталъ усваивать высокіе уроки своихъ проповѣдниковъ, заговорилъ объ истинахъ, ему переданныхъ, своими собственными, не затѣйливыми словами, вложилъ въ нихъ свой смыслъ, еще скудный и настроенный на старыи ладъ. Тогда то открылось, какъ много вынесъ онъ въ свою новую жизнь миѣическихъ остатковъ. Оказалось, что новое зданіе было еще очень несовершенно, не закрыло собою старой почвы; во всѣ щели и отверстія его со всѣхъ сторонъ полезли сорныя произрастенія этой народной почвы. Не касаемся болѣе позднихъ временъ. Время, большее знакомство съ христіанствомъ, большее

развитіе просвѣщенія постепенно возвышали народную вѣру до высоты истиннаго и чистаго православія; но кто хотя немного знакомъ съ простымъ народомъ, тотъ не можетъ не засвидѣтельствовать, что и современная степень религіознаго развитія народа представляетъ многое множество преданій языческой старины.

Такимъ образомъ, изучая собственно народныя вѣрованія, мы никакъ не можемъ миновать языческой религіозности нашихъ предковъ славянъ. Она составляетъ необходимый составной элементъ этихъ вѣрованій, безъ котораго они будутъ совершенно не понятны.

Считаемъ нужнымъ сдѣлать еще одно предварительное замѣчаніе касательно трудности нашего предмета и характера нашего труда. Если бы до насъ дошли изъ древности подробныя описанія язычества, какія имѣетъ наприм. греческое и римское язычество, намъ разумѣется, очень легко было бы возстановить все міросозерцаніе нашихъ предковъ. Но дѣло въ томъ, что такихъ описаній мы не имѣемъ. Древніе лѣтописцы и проповѣдники, у которыхъ мы почерпаемъ свѣдѣнія о древней жизни, съ омерзеніемъ отвращались отъ народныхъ вѣрованій, видя въ нихъ слѣды поганаго язычества и дьявольскаго оболъщенія, какъ будто боялись описаніемъ ихъ осквернить свое благочестивое перо. Единственнымъ полнымъ памятникомъ старины въ этомъ отношеніи служатъ уже современные намъ вѣрованія, примѣты, былины, пѣсни, обряды и языкъ. Нечего и говорить о томъ, какъ неудобенъ этотъ матеріалъ для построенія изъ него чего нибудь цѣльнаго и опредѣленнаго. Исслѣдователю приходится дѣлать выводы не впередъ, а назадъ, отъ современности заключать къ старинѣ. Здѣсь таже трудность, какъ если бы вы стали изучать дѣтство человѣка, не имѣя никакихъ данныхъ, кромѣ того, что вы знаете этого человѣка, положимъ хоть и очень хорошо, въ зрѣломъ возрастѣ. Отъ суммы его знаній вы заключаете о томъ, чему, и какъ онъ

учился, изъ его характера догадывается, подъ какими вліяніями онъ воспитывался и жилъ. Какъ бы вы ни были опытны въ знаніи людей и мѣтки въ заключеніяхъ, все таки большая часть вашихъ заключеній будетъ очень сомнительнаго свойства, вездѣ будетъ вамъ встрѣчаться досадное: «можетъ быть такъ, а можетъ быть-и не такъ». Представьте же, что точно такимъ путемъ вы изучаете цѣлый народъ, и при томъ самую неуволнимую отрасль его жизни—его вѣрованія. Тутъ тѣмъ больше трудностей и тѣмъ чаще опасность ошибиться, чѣмъ сложнѣе жизнь цѣлаго народа жизни одного человѣка. Современные вѣрованія, обряды, примѣты и т. д. въ томъ видѣ, въ какомъ они теперь существуютъ, сложились въ теченіе многихъ вѣковъ, изъ разнородныхъ элементовъ. Они представляютъ собсю хаотическую, беспорядочную груду, пестрое и безсвязное сочетаніе памятниковъ разныхъ эпохъ, раздѣленныхъ одна отъ другой цѣлыми вѣками, и самыхъ разнородныхъ вліяній, которымъ когда либо подвергалась жизнь ншого народа. Нужна самая проникательная историческая критика, самая утомительная и кропотливая работа, чтобы разобраться въ этомъ мусорѣ, пересортировать его по эпохамъ и возстановить историческую связь и преемственность послѣднихъ. Множество фактовъ уже искажено временемъ; другіе потеряли смыслъ въ народѣ; по нимъ не прочтешь ничего, какъ на старой монетѣ, которая стерлась отъ долговременныхъ переходовъ изъ рукъ въ руки. Народъ часто упорно держится извѣстнаго вѣрованія и обряда, но онъ уже забылъ его смыслъ и ничего не можетъ сообщить важнаго любопытному изслѣдователю.

Имѣя въ виду все это, мы не можемъ обѣщать полного и опредѣленнаго догматическаго и историческаго изложенія народныхъ вѣрованій и даемъ своему труду форму очерковъ. Не пускаясь въ сомнительныя и высшей степени ненадежныя изслѣдованія касательно исторіи мѣа, его происхожденія и судьбы, мы займемся преимущест-

венно обрисовкой его, какъ онъ являлся фактически, въ вѣрованіяхъ и жизни. Гдѣ будетъ возможно, будемъ слѣдить за историческою преемственностію фактовъ, разграничивать ихъ на эпохи; но предвараемъ, что эта возможность рѣдко открывается изслѣдователю, и намъ придется большею частью сливать вмѣстѣ и разсматривать гуртомъ самыя разобщенныя времена. Если гдѣ можно сдѣлать довольно четкое разграниченіе періодовъ въ исторіи религіознаго развитія народа, такъ это развѣ между языческимъ и христіанскимъ временемъ. Здѣсь факты сами своимъ внутреннимъ характеромъ приурочиваются къ той или другой эпохѣ. Но и тутъ мы увидимъ множество переходныхъ моментовъ, которые иногда совершенно закрываютъ отъ взора рубежъ этихъ эпохъ. — Что касается до системы, объ ней менѣе всего можетъ быть здѣсь рѣчи. Съ одной стороны наука не имѣетъ еще для нея достаточнаго количества фактовъ, съ другой самый предметъ только насильственно можетъ быть вдвинутъ въ узкія рамки системы. Онъ кипитъ жизнью и ускользаетъ отъ мертвыхъ опредѣленій. Религіозное творчество народа производится дѣтскою наивною фантазіей, которая подчинена всѣмъ случайностямъ, не ищетъ единства между своими образами, терпитъ даже прямыя противорѣчія и пренебрегаетъ логическіе законы. Кромѣ того, это творчество производится въ теченіе многихъ вѣковъ, на огромномъ пространствѣ широкой Россіи, подъ вліяніемъ разнообразнѣйшихъ условий. Система постоянно даже мѣшала здѣсь правильному и живому взгляду на вещи. Къ изслѣдованію народныхъ вѣрованій приступали съ громаднымъ запасомъ учености, которая и застилала глаза изслѣдователю. Въ наивномъ лепетѣ народа онъ искалъ чего-то хитраго, символовъ, иносказаній, и свѣжій, живой, дѣтски-незатѣйливый миѳъ подъ его анализомъ терялъ весь свой колоритъ и свѣжесть, получалъ какую-то тяжелую, сухую, учено-нѣмецкую фізіономію.

Даже до селѣ еще нельзя указать у насъ ни на одного изслѣдователя, какъ на истинно-народнаго, который

бы по просту, безхитростно приступалъ къ своей работѣ надъ русскою народностію. Доселѣ мы еще не понимаемъ вполнѣ народности. Долгаго и головоломнаго труда требуетъ отъ насъ изученіе однаго. Поступая добросовѣстно, нужно пока собирать факты старой и современной жизни народа, какъ она есть, отлагая пока въ сторону свое крайнее разумѣніе этихъ фактовъ; потомъ, когда сумма ихъ обнаружитъ духъ народный, обрисуетъ всю цѣльность народнаго организма, можно подвергнуть уже эти факты анализу и объясненію. Поспѣшность выводовъ всего болѣе вредна. Доселѣ рѣдкіе могли осилить труды нашихъ изслѣдователей народности; нестерпимая скука встрѣчала читателя среди этихъ сухихъ словопроизводствъ и произвольной комбинаціи вѣрованій и обычаевъ разныхъ странъ; онъ отдѣлывался отъ этой скуки только тогда, когда у него у самого голова начинала пріучаться къ безлогичному, фантастическому мышленію его учителей, когда онъ самъ начиналъ входить во вкусъ этой схоластической перестановки оторванныхъ отъ жизни фактовъ съ мѣста на мѣсто, этой ученой игры въ шахматы. Свѣжій человѣкъ только удивлялся, какъ могла поселиться мертвечина тамъ, гдѣ предметомъ изслѣдованія былъ живой духъ роднаго народа.

II.

Какъ у всѣхъ народовъ, такъ и у нашихъ предковъ славянъ языческая религія состояла въ ебожаніи природы. Исходнымъ пунктомъ ея было натуральное, первичное единобожіе. Слѣды этого единобожія сохранялись смутно до самаго послѣдняго времени язычества. Повѣствуя о древнѣйшихъ славянахъ, Прокопій Кесарійскій, писатель VI вѣка, замѣчаетъ: они «признаютъ единого Бога, (творца молніи), единственнаго Господа сей вселенной; судьбы не знаютъ и не даютъ ей ни какой власти надъ

смертными; но видя приближеніе смерти, или въ болѣзни, или предъ походомъ на войну, даютъ обѣтъ Богу» и проч. Въ славянской хроникѣ Гельмольда (XII вѣка) находимъ такое свидѣтельство: «при всемъ многообразіи божественныхъ существъ, (славяне) не отрицаютъ, что одинъ есть Богъ на небесахъ, властвующій надъ прочими богами; что другіе боги исполняютъ данныя имъ обязанности; они происходятъ отъ крови его и тѣмъ важнѣе, чѣмъ ближе къ Богу боговъ». Эта смутная идея единого Бога, представленіе о Богѣ боговъ или прабогѣ выразились въ договорѣ Игоря съ греками. Именемъ этого единого Бога клялись славяне русскіе наравнѣ съ именемъ Перуна: «да не ищутъ помощи (т. е. преступники договора) отъ *Бога*, ни отъ Перуна; да будетъ клясть отъ *Бога* и отъ Перуна,» говорили они.

Но мы ввалили бы въ большую ошибку, если бы вздумали видѣть въ этомъ первичномъ единобожіи нечто подобное на наше представленіе объ единомъ Богѣ. Дѣтское единобожіе славянъ было чисто-натуральное; оно видѣло Бога въ самой природѣ. Обоготворенная природа представлялась неразвитому уму единою, цѣльною; онъ еще не успѣлъ подмѣтить ея различныхъ силъ и явленій, не успѣлъ создать для послѣднихъ особенныхъ боговъ. Это было такимъ образомъ тоже уклоненіе отъ Творца къ твари, которое лежитъ въ основѣ всякаго язычества. Единая природа, поразившая славянина благоговѣніемъ, и была для него Прабогомъ. Первобытнѣйшій человекъ былъ вполне погруженъ въ природу; она питала его и была его матерью; онъ чувствовалъ себя въ неотвратимой зависимости отъ нея, потому что былъ слабъ, какъ дитя. Вся его духовная жизнь поглощалась міромъ явленій и стихій; духъ его не могъ оторваться отъ природы и вознестись на высоту чистаго мышленія, въ область Бога, духа, идей.

Самое происхожденіе славянскаго язычества, какъ говорить г. Афанасьевъ въ своей замѣткѣ, помѣщенной въ

Архивъ Калачова, кроется «въ смутно зародившейся въ человѣкѣ мысли объ отношеніяхъ его къ міру окружающему. Славянинъ почувствовалъ, что есть что-то могучее, имѣющее сильное вліяніе на его собственное существованіе; отдѣливши себя отъ остальной природы, онъ увидѣлъ свою слабость и ничтожность предъ тою силою, которая заставляла его испытывать жаръ и холодъ, свѣтъ и отсутствіе свѣта, которая могла дать ему пищу и лишить его пищи. Природа явилась человѣку и могучею силою, требующею полного и безотчетнаго подчиненія, и матерью, которая вскормила его собственной грудью. Онъ призналъ ее за нѣчто высочайшее и повергся предъ ней съ смиреннымъ чувствомъ младенческаго благоговѣнія. Человѣкъ былъ еще дитя, которое впервые улыбалось блестящей, красивой формѣ и впервые чувствовало боязнь при взглядѣ на что нибудь безобразное или ему чуждое. Для него еще не существовалъ анализъ. Вся природа представлялась цѣльною, единою; вся она являлась однимъ великимъ чудомъ; слово: «Божество», вылетѣвшее изъ устъ человѣка, обняло собою все богатство и все разнообразіе образовъ и силъ, составляющихъ природу. Отсюда понятно, что языческая мифологія начинается съ единобожія... Въ періодъ своего младенчества славянинъ былъ погруженъ въ жизнь непосредственную; онъ любилъ природу съ дѣтскимъ простодушіемъ, и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за ея явленіями, которыми опредѣлялись его естественныя нужды. Въ ней находилъ онъ живое существо, сочувствующее человѣку; въ ней видѣлъ онъ родное. Самъ не сознавая того, онъ былъ поэтомъ, всматривался въ картины обновляющейся природы, съ трепетомъ ожидалъ восхода солнца и долго засматривался на старые, но дѣвственные лѣса. Первые наблюденія, первые опыты его ума принадлежали окружающему его міру, къ которому тяготѣли и религія человѣка и его познанія; и та и другія составляли одно цѣлое, были проникнуты однимъ пластическимъ духомъ поэзіи. Оттого въ наивныхъ повѣрьяхъ славянина столько теплаго, столько изящнаго!»

Но эта самая симпатія съ природой, наблюдательное поклоненіе ей должны были мало по малу ослабить смутное религиозное чувство ея единства. Мелькнувши не ясно въ дѣтскомъ умѣ славянина, идея единобожія такъ и осталась въ своемъ темномъ, смутномъ видѣ. Она была заслонена другими болѣе ясными, конкретными представленіями, и скрылась отъ сознанія нашихъ предковъ. Съ большими успѣхами ума, которые обусловливались наблюдательностію, славянинъ примѣчалъ въ природѣ удивительное разнообразіе явленій и предметовъ. По мѣрѣ накопленія суммы наблюденій и впечатлѣній, разнообразіе природы все яснѣе и поразительнѣе возставало предъ его творческой фантазіей. Начался анализъ природы, и первоначальное цѣлостное миѣическое представленіе о природѣ начало разлагаться на частныя, родовыя и видовыя представленія о разнообразныхъ предметахъ и явленіяхъ ея. вмѣстѣ съ этимъ стала дробиться и идея Божества. Единобожіе естественно стало переходить въ многобожіе. Начался второй періодъ въ исторіи развитія язычества, среди котораго застало послѣднее христіанство и христіанская славяно-русская лѣтопись.

Христіанство застигло наше язычество совершенно въ располхъ, на половинѣ пути его развитія. Оно только лишь начало создавать личности своихъ боговъ и даже еще не успѣло намѣтить многихъ образовъ своей миѣологии, какъ уже должно было смѣниться новымъ лучшимъ міросозерцаніемъ, которое навсегда остановило его дальнѣйшій ростъ. Вотъ почему до насъ такъ мало дошло свѣденій изъ области собственно языческой догматики. Большая часть божествъ извѣстна намъ только по имени; мы незнаемъ ни ихъ образовъ, ни ихъ характеристическихъ свойствъ, ни тѣмъ болѣе рассказовъ объ ихъ личной жизни. Все это еще не успѣлъ создать народъ. Онъ только лишь началъ отвлекать личности божествъ отъ явленій природы, которыхъ они служили олицетвореніемъ. Отъ этого наше язычество представляетъ собою какую

то неопредѣленную переходную ступень отъ поклоненія самой природѣ къ поклоненію божествамъ личнымъ.

Наибольшую опредѣленность имѣютъ личности низшихъ божествъ, такъ сказать, собирательныхъ духовъ, олицетворявшихъ цѣлые классы ближайшихъ къ человѣку явленій и предметовъ, духовъ водяныхъ, лѣсныхъ, домовыхъ и т. д. Очень естественно, что съ нихъ начала свое творчество религіозная фантазія. Они проще и доступнѣе для ея первоначальной дѣятельности, еще скудной отвлеченіемъ. Первоначальный процессъ созданія миѳовъ совершенно сходенъ съ процессомъ олицетворенія всѣхъ предметовъ, какіе попадутся на глаза въ дѣтствѣ человѣка. Дитя ушиблось объ стулъ и бьетъ его. Стало бытъ оно приписало стулу недоброжелательство къ нему, намѣреніе и произвольное дѣйствіе своего ушиба, думаетъ, что, прибавши стулу, можно его наказать; однимъ словомъ, ребенокъ перенесъ на стулъ свои собственныя свойства, олицетворилъ его. Также олицетворяются явленія природы и въ миѳѣ народа-дитяти. Въ древнѣйшемъ періодѣ язычества, въ фетишизмѣ, что ни предметъ, то богъ. Потомъ предметы группируются въ классы, однородные съ однородными. Къ фантазіи присоединяется дѣятельность отвлеченія, и миѳическое творчество: отвлекаясь отъ самихъ предметовъ и явленій—создаетъ особыя божественныя существа, собирательнаго характера, управляющія цѣлыми классами предметовъ и явленій. Вотъ происхожденіе низшихъ божествъ. Эти низшія божества на дальнѣйшей ступени развитія религіи въ свою очередь служатъ матеріаломъ фантазіи и отвлеченія для созданія высшихъ божествъ, которыя должны поглотить въ себя низшихъ. Такъ постепенно съ одной степени на другую переходитъ естественно религіозное развитіе народа.

Славянорусское язычество было застигнуто христіанствомъ въ періодъ созданія низшихъ, собирательныхъ божествъ; и ихъ только и успѣло выработать самостоятельно, сообразно съ народнымъ характеромъ и мѣстными

условіями народної жизни. Что касается до высшихъ божествъ, то они представляютъ собою остатки общаго индо-европейскаго эпоса, которые славяне принесли съ собою изъ своей доисторической родины. Они не получили живыхъ народныхъ обрядовъ, и мы знаемъ почти одни ихъ имена, не возбуждающія въ умѣ никакого опредѣленнаго представленія, Народъ уже забылъ ихъ, тогда какъ онъ хорошо помнитъ низшія божества и совершенно ясно представляетъ характеръ и жизнь каждаго: ясной знакъ, что высшія божества не успѣли еще укорениться въ народныхъ вѣрованіяхъ. Мы имѣемъ объ нихъ только отрывочныя свѣдѣнія,—обрывки древняго преданія, по которымъ съ трудомъ можно воспроизвести ихъ неясные образы. Таковы наши свѣденія о Сварогѣ, Перунѣ, Дажбогѣ, Стрибогѣ, о которыхъ упоминаетъ лѣтопись. О другихъ божествахъ лѣтописи мы не имѣемъ положительна никакихъ свѣденій, знаемъ одни только имена ихъ—Мокошь Сямаргла.

Разсматривая древнеславянскія вѣрованія, мы находимъ что они главнымъ своимъ средоточіемъ имѣли поклоненіе живительной, плодотворной силѣ свѣта и связаннаго съ нимъ тепла. Это поклоненіе составляетъ основу всѣхъ индоевропейскихъ религій и даже во многихъ частныхъ отбѣнкахъ своихъ ведетъ свое начало отъ общаго индоевропейскаго эпоса арійскихъ племенъ. Еще въ богатой и роскошной Индіи мы видимъ начатки дуализма, противоположности между божествами свѣтлыми и темными; но этотъ дуализмъ не могъ развиваться въ странѣ, гдѣ природа является только съ своей благодѣтельной стороны. Полное развитіе дуализма послѣдовало въ Иранѣ между Зендами, гдѣ природа поражала человѣка рѣзкою противоположностію между благодѣтельной силой свѣта и тепла и враждебной силой мрака и холода. Въ славянской религій также нельзя не замѣтить начатковъ дуализма. Въ ней были свои Бѣлбоги и Чернобоги, царство свѣта и тьмы, тепла и холода. Даже послѣ принятія христіанства замѣтны остатки дуалистическихъ богомильскихъ мнѣній

явившихся изъ Болгаріи. Но этотъ дуализмъ у славянъ не достигъ еще до полного своего развитія. Только у западныхъ славянъ выработались опредѣленные образы бѣлбоговъ и чернбоговъ. Въ Россіи успѣли выработаться только немногія представленія объ существахъ враждебнаго характера, противоположныхъ свѣтлымъ благодѣтельнымъ существамъ. Большею частію добро и зло приписываются однимъ и тѣмъ же богамъ; послѣдніе являются съ двойственнымъ характеромъ, — ясный знакъ, что ихъ личности еще не успѣли раздвоиться по двумъ царствамъ дуалистической религіи.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію главныхъ стихійныхъ божествъ, въ частности.

НАЧАЛО И РАСПРОСТРАНЕНІЕ РАСКОЛА

ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ НИЖЕГОРОДСКИХЪ.

(Продолженіе.)

Мы не будемъ больше описывать жизни и дѣятельности скитскихъ подвижниковъ. Довольно и приведенныхъ примѣровъ, чтобы видѣть, какою нравственностію обладали расколоучители. Очень можетъ быть, что нѣкоторымъ и правилась подобная скитская распушенность и потому въ скиты стекались тѣ изъ мужчинъ, которымъ дома надоѣли жены, и тѣ изъ женщинъ, которымъ опротивѣли мужья. Здѣсь былъ полный просторъ для такого рода личностей; своеволие здѣсь ничѣмъ не ограничивалось, разгулъ страстей ничѣмъ не сдерживался. Лучшіе люди изъ самихъ раскольниковъ сознавали несостоятельность скитской жизни, скитскаго устройства и ученія расколоучителей и горько жаловались на эту несостоя-

тельность. «Кто насъ воздвигнетъ долу лежащихъ, или утѣшитъ во тѣмѣ печали сѣдящихъ?—Иишетъ одинъ діаконовець. Иѣсть воздвигающаго, иѣсть утѣшающаго, иѣсть руководящаго, иѣсть въ насъ о общей пользѣ пекущихся.... Кто бы собралъ во едино стадо расточенное, многоразличными язвами обложенное, междуособными брацями изнуренное. Кто бы прощѣлъ яко сельный кринь обогатити связанныхъ нищетою, просвѣтити во тѣмѣ сѣдящія, укрѣпити изнемогающія, свободити бѣдствъ и скорбей исполненныя?... Источникъ священства едва не всѣми пренебрегаемъ..... Многоскорбный народъ, присная печаль, изъ начала предводителей добрыхъ мало имяху, но точію виновныхъ печали и претыканія. Возницаху проповѣдующіи Троицы трисушное (Аввакумъ) и многобожіе, возницаху самосожигатели, возницаху учащія самоубійству голодомъ, воставаху крестохульницы, появляхуся священствующіи безъ священства. Таковыми печальми, таковыми смущеньми, многобѣдственный народъ баше смущаемъ, въ равенствѣ ученія о истинѣ недоумѣвашеся и на многія части раздирашеся, междуособная брани воздвизаше, и ко искреннему ненавидѣнію зѣло усѣваше, не отъ внѣшнихъ, но отъ внутреннихъ волнъ уже корабль разбивашеся, отъ не истинныхъ правителей въ пучину погружашеся: разгласіе бо сихъ яко Еллина другъ друга вмѣняше, въ молитвѣ не сообщахуся, въ яденіи раздѣляхуся. Священникомъ присутствующимъ простцы крещаху, и жены сіе творяху, другіе по первомъ крещеніи наки крещаху, и не приемящихъ священства, браку не сущу блудъ воцарися и отъ того дѣтогубленіе учинися» (64). Въ этомъ писемѣ слышится голосъ души, не довольной настоящимъ положеніемъ, сознавшей бездну зла и ищущей иной, лучшей жизни. Но такихъ было не много. Большинство довольствовалось тѣмъ, что есть, и не искало лучшаго, да и не знало его! При томъ нужно замѣтить и то, что по внѣшности, какъ мы видѣли, скитское

(64) Иоан.. ч. IV стр. 240—242.

устройство было весьма удовлетворительно. Приходящие же въ скиты видѣли одну только внѣшность, восхищались ею и увлекались, не замѣчая внутренней, повседневной жизни скитниковъ, которую они скрывали отъ постороннихъ. А эти посторонние, увлекшись сначала внѣшностію, оставались въ скитахъ, и за тѣмъ, мало по малу, втягивались и погружались въ болото этой жизни. Расколоучители, какъ говорится, были народъ бывалый. Кромѣ фанатизма и горячей преданности своему дѣлу, они знали народъ, потому что, большею частію, сами были изъ среды народа, и потому знали на кого, какъ и чѣмъ подѣйствовать. Однихъ увлекали они святостію своей жизни, другихъ свободою и разнузданностію скитской жизни, гдѣ не было ни какого контроля со стороны власти. По словамъ св. Димитрія они были волки въ овечьей кожѣ (65). Если изъ скитовъ они отправлялись на проповѣдь въ города, села и деревни, то они преимущественно посѣщали дома знатныхъ и богатыхъ людей, не входя, въ дома нищихъ и убогихъ. Съ проповѣдію своею обращались къ лицамъ слабохарактернымъ, не знающимъ дѣла и преимущественно къ женщинамъ. Извѣстно, что женщины всегда бываютъ фанатичнѣе мужчинъ въ дѣлѣ религіи, настоятельнѣе въ дѣлѣ пропаганды чего бы ни было, чѣмъ мужчины, особенно среди своей семьи. Расколоучители входили въ дома съ своимъ хлѣбомъ, не садились за столъ, уставленный «брашнами», чтобы показать этимъ свое постоянство, и постились до вечера, или ѣли черезъ день, и то по немногу. Молились на виду, и читали своимъ слушателямъ «отъ божественныхъ книгъ», словомъ, показывали «благоговѣнство веліе, словомъ и нравомъ показующеся быти Божіи рабы, святѣи и праведни и преподобни» (66).

Понятно, какъ должны были смотрѣть на нихъ люди престодушные, не понимавшіе сущности дѣла, но жаждав-

(65) Роз. ч. III стр. 559.

(66) Роз. ч. III стр. 559—560.

шіе получить вѣчное спасеніе, — люди не видѣвшіе для себя на землѣ ничего отраднѣшаго, и потому надѣявшіеся успокоиться только въ иной, лучшей жизни. Они смотрѣли на нихъ, какъ на святыхъ людей, способныхъ руководить малоопытныхъ, — людей, при руководствѣ которыхъ весьма легко усовершенствоваться для будущей блаженной жизни, а потому съ радостію принимали такихъ учителей, слушали ихъ во всемъ, удалялись съ ними въ пустыни и лѣса и такимъ образомъ умножали собою число отступниковъ отъ православной церкви. Для русскихъ людей тогдашняго времени важны были внѣшность, обрядность, но не духъ ученія Христова. Относительно же внѣшности, какъ мы видѣли, скиты и расколоучители могли удовлетворить самага разборчиваго человѣка. По этому-то одна изъ главныхъ причинъ распространенія раскола состояла въ строгомъ соблюденіи раскольниками внѣшности. «Главная причина⁽⁶⁷⁾, говоритъ пр. митр. Григорій, сохраненія и распространенія раскола въ самомъ расколѣ состоитъ въ строгомъ соблюденіи въ немъ внѣшности вѣры, что и почитается достаточнымъ для спасенія. А какъ соблюденіе внѣшности вѣры не требуетъ большихъ и тяжкихъ пожертвованій, особенно не требуетъ глубокаго наблюденія за состояніемъ души и за разными склонностями ея и плоти: то она очень внимательно вездѣ и держится».

Но какъ бы ни были энергичны первые расколоучители, какія уловки они не предпринимали бы для привлеченія народа въ расколъ, расколъ все таки не могъ развиваться и распространиться съ такою быстротою, если бы этому не способствовали другія причины, внѣ раскола, заключавшіяся въ общественномъ строѣ тогдашней жизни, въ обстоятельствахъ того времени. Время появленія раскола по справедливости можно назвать временемъ

(67) Истинно-древняя и истинно-православна Церковь Христова
II стр. 311, 1855 г.

неустройства, какъ въ дѣлахъ церковныхъ, такъ равно и въ дѣлахъ гражданскихъ. Какъ въ церкви, такъ и въ государствѣ того времени было много данныхъ для усиленія и распространенія раскола. Мы не будемъ подробно исчислять всѣхъ этихъ неустройствъ, а постараемся упомянуть о нихъ какъ можно короче для того только, чтобы видѣть, въ чемъ и гдѣ тогдашній расколъ находилъ для себя пищу и поддержку.

Неустройства въ церковномъ отношеніи во время появленія раскола, какъ-то: недостатокъ церковно-правительственнаго надзора, недостатокъ просвѣщенныхъ пастырей, крайняя бѣдность духовенства и иногда, не свойственная сану, жизнь нѣкоторыхъ изъ духовныхъ и стѣсненное общественное положеніе низшаго духовенства, были причиною быстрого распространенія раскола. Никонъ, какъ пастырь умный и дѣятельный, видѣлъ эти недостатки и старался ихъ искоренять. Но бояре—враги Никона, неумѣстнымъ своимъ вмѣшательствомъ въ дѣла церковнаго управленія парализовали дѣятельность Никона. Пронски бояре были причиною самаго удаленія Никона отъ дѣлъ церковнаго управленія, а потомъ и низложеніе его. Никонъ удалился и былъ низложенъ въ такое время, когда дѣятельность его, какъ человѣка умнаго и энергичнаго, была весьма необходима для противодѣйствія расколу. Никонъ за всѣмъ смотрѣлъ самъ, во все вступался, — и не было ни одной отрасли церковнаго управленія, гдѣ бы не бодрствовало его бдительное око. Съ удаленіемъ его ослабѣлъ и надзоръ за дѣлами церковнаго управленія. Недостатокъ этого церковно-правительственнаго надзора и былъ одною изъ причинъ быстрого распространенія раскола. Царь Алексѣй Михайловичъ этому именно недостатку приписываетъ распространеніе раскола. «Врагъ завистный, говоритъ онъ отцамъ собора 1666 года, спящимъ намъ, имъ же Богомъ вручися стражъ ея (церкви), всѣя куколь душевредный» (68).

(68) Доп. къ акс. ист. т. V стр. 445.

Отцы собора 1666—1667 г. находили, что причина раскола заключается отчасти въ томъ, что въ русской церкви весьма рѣдко составляются соборы для разсматриванія дѣлъ церковнаго управленія. «За еже въ здѣшнихъ странахъ Великороссійскаго государства не обыкоша архіереи собиратися часто и соборы творити и исправляти священническія распри и прочая, учинишася толики раскольники и мятежники и возмутиша во всемъ государство, и многія души погубоша, и въ малѣ было не весь народъ прельстили и отъ православныя вѣры возвратили къ беззаконнымъ дѣломъ и еретическимъ мудрованіямъ» (69). Къ этому недостатку примѣшивалось еще и то, что нѣкоторыя обширныя области часто не имѣли своихъ архипастырей. Такъ Нижегородская область до 1672 г. не имѣла своего собственнаго архипастыря и по дѣламъ церковнаго управленія относилась къ обширной патріаршей области, что, конечно, не могло не имѣть вреднаго вліянія на ходъ церковнаго управленія. Отсутствие архипастыря въ Нижнемъ Новгородѣ, по мнѣнію тогдашнихъ современниковъ, и было причиною распространенія раскола въ предѣлахъ Нижегородскихъ. «Прелестники и развратники умножились наипаче въ Великомъ Княженіи Низовскія земли, въ преименитомъ и начальнѣйшемъ тоя страны градѣ, именуемомъ Нижнемъ Новѣградѣ, со окрестными его грады и весми. Не сущу бо тамо пастырю, оскудѣша овцы отъ пищи, сущія тамо, неимущія скотопажитнаго препитанія, сирѣчь духовныя пищи, проповѣди слова Божія, во насыщеніе душъ христіанскаго народа» (70). Такое состояніе Низовской земли и было причиною того, что священный соборъ Русскихъ и Восточныхъ пастырей и царь Алексѣй Михайловичъ присудили открыть въ Нижнемъ Новгородѣ особую митрополію, подъ управленіемъ собственнаго митрополита. «Истинный

(69) П. С. З. т. I стр. 700.

(70) Наст. грам. митр. Филарету. Древн. Росс. Вивл. ч. XVIII стр. 113.

ревнитель и поборникъ православныя христіанскія вѣры, врагомъ же и раскольникомъ мститель, благочестивѣйшій, тишайшій, самодержавнѣйшій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, выну помышляше въ себѣ, яко нелѣпо богоспасаемому Нижнему Новуграду со окрестными его грады и весьми, занеже есть многонароденъ, красотою же и всякимъ довольствомъ паче иныхъ градовъ преизобилующъ. Наипаче же искорененія ради повопрозябшихъ тамо ересей быти безъ своего имъ архіерея, и тамо сущимъ господнимъ христоименитымъ людемъ душевнѣ вредитися, повелѣлъ, «яко въ великомъ княженіи низкія земли да будетъ архіерей» (71). Поэтому, города Владиміра, Рождественскаго монастыря архимандритъ Филаретъ и избранъ былъ «исторгати же и искореняти плевелы развратнаго и душевреднаго ученія, и сожигати огнемъ ревности Божія и любви, яко да не къ тому израстати имуть въ тщету чистыя пшеницы» (72). Но не смотря на то, что низовская земля съ 1672 года имѣла своего архіерея, расколъ въ Нижнемъ не уменьшился. «Что касается до расколовъ, по поводу которыхъ учреждена Нижегородская епархія; то умноженіе ихъ, при всѣхъ стараніяхъ митрополита Филарета, не могло быть остановлено. Съ одной стороны недостатокъ въ ученомъ духовенствѣ, а другой нерѣдкое пребываніе митрополита въ Москвѣ близъ патріарха, препятствовали ему заняться съ успѣхомъ для правовѣрія дѣлами укоренившихся уже раскольниковъ» (73). Мы не имѣемъ никакого основанія заподозривать дѣятельность Филарета въ обращеніи раскольниковъ. Онъ, по словамъ собора, былъ достоинъ «архіерейскаго достоинства пріятія», и не успѣлъ остановить развитія раскола по недостатку ученыхъ священнослужителей и по частымъ отлучкамъ въ Москву. Но къ сожалѣнію, въ это время были и такіе архіереи, ко-

(71) Древ. Росс. Вивл. ч. XVIII стр. 113.—114.

(72) Тамъ же стр. 118.

(73) Ист. Ниж. Иерарх. стр. 14.

торые не заботились о своей паствѣ, не вникали въ ея потребности и нужды. Такъ нѣкоторые архіереи «безъ продолженія времени не поставляли, гдѣ нужно было, священниковъ, и сіе важное и человѣческому спасенію потребное дѣло весьма забвенію предавали, а между тѣмъ люди безъ покаянія и причастія св. Таинъ помиралы» (74). Эта невозможность получить причащеніе Тѣла и Крове Христовой вредно дѣйствовала на православныхъ, и не рѣдко заставляла ихъ уклоняться въ расколъ. «Многіе, не имѣя въ себѣ душеспасительнаго дара, т. е. сообщенія Тѣла и Крови Христовы, и впадающе въ грѣхи различныя, отходятъ въ крайнее заблужденіе и оттого же происходятъ склонность и рождаются самое раскольнической прелести преумноженіе, а потому виною можетъ быть не что иное, точю пастырей о паствахъ своихъ небреженіе» (75). Нѣкоторые архіереи не только не брегли о своихъ паствахъ, не поставляли имъ священниковъ, но даже болѣе сами были склонны къ расколу и потворствовали ему. Таковъ напр. былъ епископъ Вятскій Александръ; таковъ же былъ Исаія, четвертый митрополитъ Нижегородскій (76). Такимъ образомъ, съ одной стороны немнѣніе архипастырей въ нѣкоторыхъ обширныхъ областяхъ, съ другой, — нерадѣніе нѣкоторыхъ изъ нихъ о своей паствѣ, были причиною распространенія раскола. Къ этому присоединялось еще и то, что тѣ епархіи, которыя имѣли своихъ архипастырей, часто не видѣли ихъ въ своихъ предѣлахъ. Такъ Нижегородскіе митрополиты Филаретъ и Трифилій часто отлучались ко двору патріарха и пребывали тамъ долгое время (77), оставляя свою паству безъ надзора. Расколъ, разумѣется, немогъ не пользоваться этимъ и глубоко пускалъ свои корни.

(74) П. С. З. т. X № 7734.

(75) Тамъ же № 7226.

(76) Ист. Ниж. Іерарх. стр. 28.

(77) Ист. Ниж. Іерарх. стр. 14—24.

Если въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ архіерей почему бы то ни было не поставляли священниковъ и народъ или умиралъ безъ покаянія, или совращался въ расколъ, то что сказать о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было архіереевъ, имѣющихъ право рукополагать священниковъ? Разумѣется, что тамъ расколъ долженъ былъ усиливаться болѣе, чѣмъ гдѣ либо. Въ Нижегородской области, какъ мы видѣли, не было архіерея до 1672 г., слѣдовательно и расколъ, по недостатку въ ней священниковъ, долженъ былъ усиливаться и распространяться въ ней преимущественно предъ другими мѣстами, нѣйствительно, въ Нижегородской области, даже въ XVIII столѣтіи, для многихъ церквей не доставало священниковъ. «Въ Нижегородской епархіи, съ 1736 по 1738 г., по случаю вызова духовныхъ въ нижегородскія училища, при градскихъ и уѣздныхъ соборныхъ и приходскихъ церквахъ, оказалось въ недостаткѣ 3 протопопа, 135 поповъ, 187 діаконовъ, 972 дьячка и пономаря всего 1287 человекъ священно- и -церковнослужителей. Недостатокъ этотъ опредѣлено было замѣнить 473 воспитанниками, окончившими ученіе и еще учившимися въ школахъ; остальныхъ 824 священно- и -церковнослужителей не доставало» (78). И это во время дѣятельности Питирима пастыря дѣятельнаго и энергичнаго, одного изъ величайшихъ дѣятелей въ борьбѣ съ расколомъ! Что же сказать о Нижегородской области до 1672 года, когда расколоучители наиболѣе эмергично дѣйствовали для привлеченія православныхъ въ расколъ? Очевидно, что тогда чувствовался еще большій недостатокъ въ священникахъ чѣмъ въ XVIII столѣтіи, и потому расколъ распространялся сильнѣе чѣмъ когда либо.

(Продолженіе будетъ.)

ВОЗЗВАНІЕ

Трипольскаго (1) митрополита Софронія съ его паствою къ сынамъ единовѣрной православной Россіи.

По всемилостивѣйшему соизволенію Его Величества, Благочестивѣйшаго Государя Императора, братской любви и благословенію Святѣйшаго Правительствующаго Всероссійскаго Синода, мы получили давно желанное разрѣшеніе послать въ Россію одного изъ сослужителей нашей вѣры, для сбора доброхотныхъ пожертвованій. Съ этою цѣлію и съ общаго согласія, мы отправили протоіерея нашего кафедральнаго собора, Іакова Сури. Надѣемся, что и всѣ Русскіе, вслѣдъ за своимъ Монархомъ и богоизбранными отцами Синода, отвѣтятъ не холодностію на наши мольбы и просьбы, а братскииъ соучастіемъ въ нашихъ нуждахъ.

Подлинно, только настоятельныя нужды нашего города могли вызвать насъ на подвѣдную рѣшимость; желаніе спасти жизнь, во время пронесшейся надъ Востокомъ кровавой грозы Турокъ и Друзовъ, стоило намъ нашихъ имуществъ и собственности: мы вынуждены были пожертвовать всѣми нашими имѣніями, чтобы этимъ средствомъ сохранить подвергшіяся разоренію, но не павшія убѣжища въ нашемъ городѣ. Мы остаемся совершенно безъ средствъ и не можемъ продолжать постройки заложеннаго у насъ храма. Кому неизвѣстно, какъ глубоко страдаетъ бѣднякъ, когда у него нѣтъ куска хлѣба, чтобы утолить мучительный голодъ? Кто опять не согласится, что не менѣе, если еще не болѣе, страдаютъ народъ и городъ, когда они лишены средствъ питаться отъ трапезы божественныхъ истинъ? Тотъ и другой голодъ равно вынуждаетъ страждущихъ взывать и вопіять о помощи къ тѣмъ, на которыхъ есть хоть малая надежда.

(1) Городъ Триполи лежитъ при Средиземномъ морѣ, между Лаодикією и Бейрутомъ.

Вамъ однимъ, сыны православной и богохранимой Рос-
си, съ нашимъ просительнымъ гласомъ, однимъ вамъ,
какъ способнымъ понимать, повѣдаемъ наши религіозныя
нужды и духовныя скорби; у однихъ васъ, именемъ Иисуса
Христа, Подвигоположника общей Вѣры нашей, просимъ
помощи нашему убожеству и нищетѣ. А онѣ велики и
ужасны! Отвратить ихъ заставляютъ насъ наше нравствен-
ное спокойствіе, наша духовная цѣлость. Пропаганда ино-
вѣрія, съ каждымъ днемъ, глубже и глубже пускаетъ
свои корни въ православномъ городѣ и народѣ нашемъ;
ученыя и искусныя въ словѣ проповѣдники ея, какъ нѣ-
когда морскія сирены, лакаютъ слухъ простодушныхъ и
увлекаютъ сердца неопытныхъ, — какъ волки, опустошаютъ
и сокращаютъ число нашего православнаго общества.
Больно и тяжело становится предстоятелю Церкви, пасты-
рю душъ христіанскихъ, когда онъ смотритъ на то, какъ
члены его паствы, прежде изъ одной чаши завѣта вку-
шавшіе Тѣла и Крови Христовой, — теперь, удалясь об-
щениа съ нимъ, идутъ въ иное стадо, къ инымъ пастырямъ.
Не менѣе, разумѣется, грустно и горько и роднымъ,
отцу съ матерью, переносить такіе случаи, когда ихъ дѣти
какъ бы забывъ естественный съ ними союзъ плоти и
крови, отрекаются отъ тѣхъ внушеній св. вѣры, въ кото-
рыхъ съ дѣтства воспитали ихъ родители ихъ и которымъ
сами они обязались быть вѣрными до гроба и смерти.
Юное сердце дитяти, мягкое какъ воскъ, скорѣе и легче
пропитывается заразою иновѣрія и иномыслиа: понятно,
какъ велики должны быть эти потери для нашего право-
славнаго общества. Описывать и оплакивать ихъ можно
ролько словами видѣннаго пророкомъ свитка, *въ немъ же*
вписано *блже рыданіе. и жалость и горе* (Иезек. 11,
10). Врожденное человѣку чувство любознательности и
развитія, пробивающееся у дѣтей, особенно помогаетъ
здѣсь инославной пропагандѣ: иновѣрныя школы и училища,
разбросанныя по всему Востоку — вотъ главная сила успѣш-
наго разлива у насъ иновѣрія, которое взялось въ конецъ
затопить наше православіе. При всемъ желаніи борьбы,
у насъ нѣтъ силъ противостоять этому; мы богаты только

простою. Но сберегать и воспитывать и это Достояніе, до мѣры исполненія Христова, — для насъ дѣло трудное и почти невозможное. Одинъ мѣстный кафедральный храмъ нашъ, который за немѣнѣемъ училищъ, долженъ служить единственною школою вѣры и благочестія для всѣхъ — малыхъ и возрастныхъ, такъ малъ въ своемъ объемѣ и тѣсень, что биткомъ наполнить его можно нѣсколькими десятками человѣкъ. А у насъ не сотни, а тысячи вѣрующихъ. Значить, большая часть нашей паствы, вслѣдствіе этого, или вовсе должна оставаться дома въ самые великіе и приснопамятные дни христіанскихъ празднествъ, или идти въ церковь за тѣмъ, чтобы въ нестройной массѣ толпиться около храма, стараясь услышать иногда и понять вылетающіе изъ него звуки. Нечего и говорить, съ какими явленіями соединяется искреннее желаніе пришедшихъ помолиться, сложить свои мірскія скорби у подножія Христова престола и быть участниками общественнаго богослуженія.....

Сидѣясь безутѣшною скорбію о такомъ жалкомъ состояніи нашего рода по отношенію къ главному въ жизни — къ вѣрѣ, мы прибѣгаемъ къ испытанному великодушію и помощи Русскихъ, братій намъ по вѣрѣ, какъ послѣдней нашей надеждѣ. Вѣримъ и надѣемся, что они войдутъ въ наше понстинѣ горькое положеніе, вполне раздѣлятъ съ нами его тяготу. И скудныя лепты подаяній послужатъ къ великому духовному обогащенію страны и города, освященныхъ нѣкогда божественными стопами Самого Основателя и Совершителя нашей вѣры (2). Если не мы — люди немощи — нашими молитвами, то Онъ Своєю благодатію воздастъ дань благодаренія, какъ Самъ сказалъ: *понеже сотвористе единому братіи Моихъ меньшихъ, Мнѣ сошвористе* (Матѣ. XXV, 40). Имена жертвователей будутъ написаны на стѣнахъ храма и училищъ,

(2) Мѣстное народное преданіе считаетъ Триполи въ числѣ десяти городовъ, которыми проходилъ нашъ Божественный Спаситель сѣя слово истины и Евангелія.

на сооруженіе и устройство которыхъ мы обратимъ со-
бранныя подаванія. Громче и внятнѣе, чѣмъ похвалы на-
шихъ усгъ, они будутъ говорить нашему отдаленному
потомству, о безмѣрной щедрости и состраданіи русскаго
народа къ чужимъ по крови и по плоти, но роднымъ по
существу вѣры, жителямъ Триполи. Предполагаемый и
уже заложенный храмъ во имя Успенія Пресвятыя Бого-
родицы и св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія, и
предполагаемыя школы дадутъ русскимъ жертвователямъ
полное право называться полными споспѣшниками нашего
духовнаго обновленія и силы, а намъ и нашимъ потомкамъ
будутъ вдыхать чувства сердечной благодарности и живой
памяти о нихъ. Узы единой вѣры скрѣплятся видимыми
узами взаимной признательности и благожеланія.

Протоіерей Трипольскаго кафедральнаго собора Іаковъ
Сури, пріѣхавшій для сбора, мѣсто жительства имѣетъ въ
Александроневской Лаврѣ, въ зданіи за соборомъ.

СОДЕРЖАНІЕ: О святыхъ иконахъ, преимущественно чтимыхъ въ ниже-
городской епархіи (продолж.) — Очерки изъ исторіи Славянской мѣеологіи. —
Начало и распространеніе раскола въ предѣлахъ Нижегородскихъ (про-
долж.) — Воззваніе Трипольскаго митроп. Сорфонія къ сынамъ единовѣрной
православной Россіи.

Дозволено цензурой 21-го августа 1865 года.

Редакторы: Инсп. сем. Прот. *А. Стекловъ* и
Проф. *Г. Полисадовъ*.

НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ; въ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФІИ.